

УДК 130

Сулимов Станислав Игоревич

доцент кафедры философии

Воронежского государственного университета

инженерных технологий

Milena.555@mail.ru

Черниговских Игорь Васильевич

заведующий кафедрой философии

Воронежского государственного университета

инженерных технологий

Milena.555@mail.ru

Кукарников Дмитрий Германович

доцент кафедры истории философии

Воронежского государственного университета

Milena.555@mail.ru

Stanisla I. Sulimov

Voronezh state University of engineering and technology

Milena.555@mail.ru

Igor V. Chernigovskih

Voronezh state University of engineering and technology

Milena.555@mail.ru

Dmitrii G. Kukarnikov

Voronezh state University

Milena.555@mail.ru

**Антисистема и псевдоморфоз в историческом процессе
(на примере средневековых Чехии и Польши)**

**Antisystem and occasionally in the historical process
(by the example of medieval Bohemia and Poland)**

***Аннотация.** Данная работа посвящена рассмотрению особенностей исторического развития западнославянских народов, географически расположенных на стыке славянской и западной культур. Авторы анализируют причины возникновения антисистемы в Чехии и указывают, почему аналогичный социально-духовный феномен не сложился в Польше, условия развития которой не особенно отличались от чешских.*

***Ключевые слова:** антисистема, псевдоморфоз, гуситское движение, уния, двуединая монархия.*

***Abstracts:** This work is devoted to peculiarities of the historical development of Slavic peoples, geographically located at the junction of Slavic and Western cultures. The authors analyze the causes of antisistema in the Bohemia and indicate why a similar socio-spiritual phenomenon has not developed in Poland, conditions of development which is not particularly different from Czech.*

Key words: *antisystem, occasionally, the Hussite movement, the dual monarchy, the Unia.*

В наши дни, в эпоху стремительной глобализации, взаимопроникновения различных обществ и культур под лозунгами экономического партнерства, очень актуально звучит вопрос о будущем «единого человечества». При этом ещё в XIX-XX вв. Н. Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби и др. исследователи доказали, что единого, общего для всех стран, народов и культур пути общественного развития не существует, также как и не существует интернационального «мирового сообщества». Человечество состоит из этносов (по терминологии Л. Н. Гумилева) или культурно-исторических типов (по выражению Н. Я. Данилевского), которые взаимодействуют между собой и влияют друг на друга. Их отношения могут носить самый различный характер, от вооруженного противостояния до векового экономического и политического сотрудничества. В данной работе мы рассмотрим межкультурное взаимодействие, происходившее на стыке славянской и западной (романо-германской) культур на заре их существования, в Средние века. Для того, чтобы ограничить поле исследования географически и политически, сосредоточим внимание на королевствах Чехии и Польши. В наши дни этот вопрос тем более актуален, что его отголоски мы видим в печально известных украинских событиях.

Прежде чем рассматривать исторические факты, необходимо уточнить такие термины, как «этнос» и «суперэтнос», «псевдоморфоз» и «антисистема», которые являются ключевыми для понимания процесса межкультурного взаимодействия. «Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени» [2; с. 135]. То есть в основе этнической целостности лежит в первую очередь общий стереотип поведения, можно сказать, общие ценности, на основе которых возникает кровное родство и формируется нация. Например, немецкий этнос формировался на основе ряда славянских (пруссy) и германских (швабы, саксы) национальностей, которые в наши дни монолитно соединены общей историей, протестантизмом и единым географическим пространством, именуемым «Германия». А вот, к примеру, германцы-австрийцы в состав немецкого этноса не вошли, отсеченные от него религиозным барьером католицизма и многовековой политической претензией на роль объединителя западных народов под эгидой первого Рейха. Несколько соседствующих и поддерживающих между собой связь этносов образуют суперэтнос. «Суперэтнос – группа этносов, возникающих одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность» [2; с. 134]. Примером суперэтноса могут послужить европейцы (романо-германцы), которые между собой различаются в национальном и культурном плане, но при этом сходны друг с другом больше, чем с любыми другими этносами планеты. Например, в современном ЕС прекрасно

уживаются французы, испанцы, немцы и другие романо-германские народы, но принять и ассимилировать в ЕС выходцев с арабского Востока, по меньшей мере, проблематично. Если двум и более суперэтносам приходится соседствовать друг с другом продолжительное время, то они в лучшем случае поддерживают отстраненные отношения, выражающиеся в торговле и военных союзах, а в худшем случае на их стыке возникает антисистема, одинаково разрушающая все суперэтноты, с которыми она контактирует. Антисистема – это социально-духовная общность людей с негативным мирозерцанием, имеющая общее для своих членов мировоззрение. Проще говоря, это люди, рассматривающие ситуацию, сложившуюся в их этносе, с позиции другого этноса и поэтому воспринимающие реальное положение дел как неправильное и нуждающееся в исправлении. Но, поскольку они видят ситуацию «чужими глазами», то лишь разрушают «неправильное», а желаемое создать не могут, потому что вдохновляющий их образец либо непригоден в данной ситуации, либо настолько синкретичен, что не может быть воплощен нигде и никогда. Л. Н. Гумилев выделяет два непреложных условия для возникновения антисистемы: «Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например, момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными, творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры» [2; с. 493]. Антисистема не способна к развитию и обычно имеет эзотерическую структуру, то есть её социальная структура происходит по принципу дозирования информации. А, поскольку антисистемная доктрина состоит из несовместимых фрагментов разнородных культур, то её адепты широко применяют ложь и умалчивание, стараясь скрыть противоречивость своего учения и привлечь к нему многочисленную аудиторию. Отечественный исследователь В. Л. Махнач полагал, что позволительность лжи является родовой чертой всех антисистем: «...антисистемы синкретичны, все они сляпаны из далёких друг от друга систем, и только ценой лжи можно добиться их объединения в некое целое, иначе они несовместимы» [3; с. 57].

Для простоты и краткости можно заменить термины «этнос» и «суперэтнос» на «культуру». Ведь культура – это созданный человеком смысловой мир, который делает реальность понятной и близкой. И для формирования культуры требуются те же самые условия, что и для образования этноса. Тем более что культура может быть как мононациональной (английская, русская), так и многонациональной (романская, исламская). Другое дело, что культура может находиться в зачаточном состоянии и носить племенной характер, но может быть достаточно развита для того, чтобы консолидировать несколько народов. Л. Н. Гумилев рассматривал исторический процесс с точки зрения этнологии, мы же делаем это с позиций социальной философии и культурологии, и поэтому дополняем концепцию сосуществования культур такой формой отношений как «псевдоморфоз». Впервые этот термин употребил немецкий философ О. Шпенглер, понимая под ним следующее: «Историческими

псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая старая культура настолько сильно довлеет над страной, что местной молодой культуре нечем дышать, и она не в состоянии не только создать свои выразительные формы, но даже не приходит к полному разворачиванию собственного самосознания. Всё, что поднимается из глубин молодой души, отливается в пустоты чужой жизни. Молодые чувства застывают в устаревших произведениях, и вместо подъёма собственного формообразования (*Gestaltungskraft*) до невиданных размеров вырастает только ненависть к чужой и далёкой силе» [8; с. 234]. Обычно новая, молодая культура, зарождаясь и развиваясь на ареале старой, дает о себе знать через подъем национального самосознания и даже через национально-освободительное движение. Но если такое движение не состоится или потерпит поражение, то весь творческий потенциал молодой культуры израсходуется на поддержание чужих культурных форм, часто даже не отвечающих её социальным и духовным запросам. И история славянских народов, живущих на восточной границе романо-германского мира, в Средние века явила миру примеры и антисистемы, и псевдоморфоз.

Само экономико-географическое положение средневековой Чехии буквально превращало её в социально-духовного кентавра: граница между православным славянским Востоком и католическим романо-германским Западом превращала королевство в настоящий проходной двор для различных противоречивых идей. Тем более что Чехия входила в состав Священной Римской империи и по форме представляла собой западноевропейское королевство, хотя уклад жизни славянских подданных германского императора коренным образом отличался от жизни тех же швабов или саксонцев. Чешское дворянство (паны и панюши) было очень похоже на польскую шляхту, но при этом искусственно втискивалось в рамки культуры германского рыцарства. Тем более что немецкие рыцари, наиболее отличившиеся перед монархом, получали земли на чешских территориях и, пользуясь поддержкой имперских властей, нередко расширяли свои уделы за счет чешских панов. К примеру, в конце XIV в. среди дворянских семейств чешского королевства наибольшим могуществом отличались Розенберги (на чешский манер – Рожемберки), аристократическая династия германского происхождения, владевшая землями как в Чехии, так и в Баварии и поставившая в зависимость от себя почти все чешское рыцарство. Поскольку император Священной Римской империи обычно принадлежал к одной из германских династий (в описываемую эпоху – к династии Люксембургов), то все его интересы сосредотачивались в немецких землях, а Чехия становилась как бы экономическим и людским базисом для осуществления его планов. Совмещая имперскую и чешскую короны, такой монарх часто считал себя в первую очередь именно германским императором. И нередко, пока он приводил в порядок германские дела, в Чехии царила самая настоящая анархия. Например, чешский король Вацлав IV Люксембург (1361-1419 гг.), бывший по совместительству императором Священной Римской империи (там его именовали Венцель), был вынужден воевать со своими чешскими

вассалами и даже оказался побежден ими. Таким образом, Чехия не имела национальной власти, ведь нельзя же всерьёз считать чешским монарха, который не может определиться, кто он – король Вацлав или император Венцель.

Точно так же Папа Римский воспринимал Чешское королевство как далёкую окраину католического мира, годную лишь для финансовой поддержки римской курии. В результате страна оказалась в положении сырьевого, земельного и финансового придатка европейских духовных и светских структур (папства и империи), что, в свою очередь, вызвало длительный экономический, политический и духовный кризис, усугубляемый постоянным отсутствием или слабостью реального монарха, который в это же время мог быть способным германским императором. Для контроля над Чехией, имевшей статус едва ли национальной окраины империи, король поощрял переселение немецких дворян и даже ремесленников в чешские земли. Точно также поступал Папа Римский, назначая на высшие церковные должности клириков немецкого происхождения. Вот как описывает сложившееся положение дел чешский историк Й. Мацек: «Во времена Карла IV лучшие и наиболее доходные церковные должности в Чехии получали иностранцы, прежде всего немцы, собиравшиеся вокруг императорского двора, который использовал свою тесную связь с папой. У чешского духовенства, особенно низшего, была, таким образом, ещё одна причина ненавидеть высших сановников церкви, бывших, как правило, чужеземцами» [4; с. 17]. В городах большинство населения и, что важно, ремесленников составляли чехи, но магистраты состояли по большей части из представителей немецкого патрициата.

В результате такого положения дел Чехия оказалась полна безработных клириков чешского происхождения, безземельных рыцарей коренной национальности и разорившихся ремесленников, которые в прямом смысле слова не знали, куда себя деть. Многим из них казалось, что весь мир вошел в полосу упадка, что близится конец света. Народная и авторская лирика той эпохи пестрит пессимистичными и апокалипсическими мотивами. Например, произведения Смилы Флашки и Томаша Штитного буквально пронизаны негативным мирозерцанием, выражающемся в критике всего и вся: от крестьянских нравов до привычек высшего духовенства. Для начала национально-освободительного, антиимперского движения необходима была лишь идея, которая объединила бы представителей разных социальных групп чешского общества. К сожалению, идея национального государства ещё не была знакома людям, и консолидирующий принцип прибыл в многострадальное королевство с запада.

Та идея, за которую чешские национальные герои Ян Гус и Иероним Пражский впоследствии пошли на костёр, зародилась в Англии во второй половине XIV в. в творчестве Джона Уиклефа, клирика и протезе Джона Гентского, герцога Ланкастера. Уиклеф был создателем и апологетом концепции национальной Церкви, утверждая, что Папа Римский, находящийся в плену в Авиньоне, не может даже свои дела привести в

порядок, а, значит, не стоит ему вмешиваться в дела других государств. Данная идея была крайне актуальной для Англии, ведущей Столетнюю войну, потому что Папа был не просто в плену, а в плену у французов и отдавал распоряжения, выгодные последним. Поэтому идея Уиклефа стала для английского парламента санкцией на экономический разрыв с Римом. При этом сам проповедник не отрицал святость Папы или правомерность института папства. Он лишь противился выплате десятины и требовал секуляризации земель. Вот как описывает отношения Уиклефа и властей немецкий историк Г. Вебер: «В октябре (1377 года), когда заседал первый парламент его (герцога Ланкастерского – авт.) регентства, он предложил Уиклефу вопрос, не должно ли удержать и употребить на государственные надобности те суммы, которые были назначены для отсылки папе. Уиклеф отвечал, что следует сделать так на основании Священного Писания, повеления которого выше всех мирских и канонических законов» [1; с. 41]. Для английского королевства, бывшего к тому времени национальным государством, такие идеи были крайне выгодными.

Иначе обстояло дело в Чехии, лишённой независимости и мало осознающей свои национальные интересы. Как только Ян Гус, верный последователь идей Уиклефа, выступил против зависимости чешской церкви от Рима, сразу же оказалось, что в стране нет реальной альтернативы. Не существовало ни чешского кардинала, который мог бы возглавить национальную церковь, ни национальной династии, способной осуществить такой радикальный шаг. Зато отход от канонической нормы открыл путь всевозможным маргинальным сектантским течениям хилиастической и антиклерикальной направленности. Так, когда началась вооружённая борьба против имперских властей и верных им немецких поселенцев, в повстанческое движение активно влились вальденсы, заслужившие недобрую славу ещё во время Альбигойских войн. Факт их присутствия в рядах таборитов подтверждает чешский историк Й. Мацек: «Вальденские проповедники ходили из края в край, проповедовали своё учение и везде находили сердечный прием, особенно у низших классов общества, всегда готовых воспринять учение, которое сулит им освобождение от гнета Церкви» [5; с. 229]. Кроме вальденсов, в восставшей Чехии нашли себе применение представители бельгийской секты адамитов, которых отечественный историк И. Р. Шафаревич описывает так: «Беггард из Бельгии основал среди таборитов секту адамитов, которая обосновалась на р. Лужнице. Сам он называл себя Адамом и сыном Божиим, призванным воскресить мертвых и осуществить предначертания Апокалипсиса. Адамиты считали себя воплощением вездесущего Бога. Скоро, считали они, кровь затопит мир по уздечку коня. Они в этой земле – коса Божия, они посланы для отмщения и уничтожения всей скверны на земле. Прощение – грех. Они убивали всех подряд, по ночам сжигали села, города и людей, ссылаясь на то, что в Библии сказано: «В полночь раздался крик»» [7; с. 52]. Избрав своим центром городок Клокоты, адамиты совершали набеги на окрестное население, убивая ни в чем не повинных людей. Их лидер, священник-

расстрига Мартин Гуска, призывал в свои ряды людей, говоря, что сражается за свободу Чехии, на деле же моментально втягивал новичков в расправы над безоружными и сексуальные оргии. Чешский историк Й. Мацек прямо свидетельствует о наличии в рядах адамитов большого числа извращенцев: «Возможно, что между этими отверженцами феодального общественного строя были также люди с неправильными представлениями о нормах человеческого общежития, некоторые из них в ожидании конца мира предавались различным извращениям и разнузданным оргиям» [4; с. 98].

Пражский проповедник Ян Желивский, будучи идейным вождем городской черни, выступал против любого богатства. Он активно вмешивался в жизнь ремесленных слоев города, не обращая внимания на национальность трудящихся. «Резких упреков Желиваского не избежали и ремесленники. Он прямо перечисляет «нечистые ремесла», относя к ним ремесло сапожников, живописцев, золотых дел мастеров, пекарей, резчиков, каменщиков, плотников, поскольку в этих ремесленниках он видит эксплуататоров» [4; с. 67]. Желивский прямо утверждал, что в приближении конца света работать нельзя, нужно голодать, а если кто-нибудь пытается улучшить свою жизнь, хотя бы и собственным трудом, то он «не выдержал испытания». Помощники проповедника ходили по ремесленным мастерским и ломали орудия труда, не разбираясь, кто из ремесленников немец, а кто чех. Желивский без стеснения вмешивался в работу мэрии, врываясь на заседания в сопровождении толпы вооруженных последователей и заставляя магистратов признавать выходки его учеников законными.

Хилиастические лидеры, вроде Мартина Гуски и Яна Желивского, обильно встречались и в таборитских отрядах, провоцируя расправы над дворянством и духовенством, не различая национальности и даже не устанавливая ничьей вины. Например, в ноябре 1419 г. в замках Раби и Седлице табориты без пощады убили всех, кого удалось схватить, особенно издеваясь над монахами и панами. Гуситы даже сожгли местные церкви. При этом вдохновившие их на такие зверства проповедники остались анонимными, именуя себя «ангелами Божьих отрядов».

В результате подлинные национально-освободительные силы, представленные чешским дворянством во главе с рыцарями Яном Жижкой из Троцнова и Яном Гвездой из Вицемилиц, стали отождествляться в глазах всей Европы с кровожадными сектантами. Не случайно Папа Римский организовал против гуситов ряд *крестовых* походов; такие меры не принимают против повстанцев с далекой окраины. Требования гуситов были более чем умеренными: веротерпимость, причастие по православному обряду («требование чаши»), секуляризация церковных земель и равенство чехов и немцев перед законом («наказание за грехи»). Повстанческое руководство, состоявшее из чешских рыцарей, понимало опасность хилиастической пропаганды. Ориентируясь на отделение Чехии от Священной Римской империи или, по крайней мере, на предоставление ей собственной королевской династии и, тем самым, автономии, тот же Ян Жижка изгнал «ангелов Божьих отрядов» из Табора, в 1421 г. по его приказу были

разогнаны адамиты, а чуть позже отважный полководец даже пригласил на пустующий чешский престол польского королевича Сигизмунда Корибутовича. В 1422 г. пражанами был убит Ян Желивский, из-за выходов которого не удавалось даже скоординировать действия городского гарнизона с отрядами таборитов. Казалось, что вот-вот национальное чешское дворянство возьмет власть в стране в свои руки и договорится со своими германскими «коллегами по сословию» о мире.

Однако неуместные и кровавые выходы сектантов раз за разом расстраивали переговоры между чешскими лидерами и имперскими посланниками, а после того, как отряды таборитов возглавил бывший священник Проккоп Голый (возможно, выходец из адамитов), началась гражданская война уже между самими чехами. Табориты теперь препятствовали всякому возрождению хозяйства, атакуя чешские же города в поисках «изменников». Например, в 1433 г. отряды Голого осадили Пльзень, хотя горожане не подавали никакого повода и были всецело на стороне повстанческого движения. Разумеется, при таких отношениях внутри чешского лагеря не могло быть и речи об окончательной победе над германскими войсками, хотя в отдельных битвах чехи продемонстрировали высокую боеспособность. Грабительские походы, устроенные Голым в Силезию и Мейссен, сделали невозможным примирение, тем более что бывший священник даже не пытался оправдать эти вторжения и открыто называл их «прекрасными». Лишь в 1434 г. таборитов удалось разгромить у Липан, и тем самым вывести их из борьбы. Важно отметить, что в этой битве не участвовал ни один крестоносец или иностранный наемник, то есть с таборитами сражались пражане и ополчение чешского дворянства. В 1437 г. был достигнут шаткий компромисс с империей, по которому восстанавливалось довоенное положение дел (чешским королем был провозглашен германский император).

Зададимся вопросом: могло ли гуситское движение окончиться победой и независимостью Чехии от Священной Римской империи, или хотя бы воцарением в Праге национальной династии? Совершенно очевидно, что военный аспект борьбы вовсе не был решающим. На протяжении двадцати лет табориты наносили германским и венгерским крестоносцам поражения, а такие полководцы, как Ян Жижка и Ян Гвезда имели богатый боевой опыт ещё до начала движения. Но для окончательной победы необходим идеал желаемого будущего, ответ на простой и жизненно важный вопрос: «за что воюем?». Чешское рыцарство воевало за изгнание из Чехии своих немецких конкурентов (Розенбергов и им подобных) и за коронацию национального монарха, по-настоящему «первого среди равных»; чешские горожане выступали за освобождение ремесленных центров от засилья немецких купцов, поддерживаемых имперскими чиновниками. И эти мечты легко могли сбыться, если бы Ян Гус и Иероним Пражский сформулировали свою, оригинальную, чешскую доктрину национального государства. Однако английский идеал национальной церкви попросту распахнул двери различным сектантам, которые в одночасье организовали в Чехии

антисистемное движение. Гуситы думали, что сражаются за родину, но в реальности они помогали своим сектантам-основателям в осуществлении конца света. Как только патриотическим лидерам удалось ликвидировать наиболее радикальных сектантских вожаков, как движение распалось, потому что интегрирующим фактором в нём были именно хилиасты. Сами цели вдохновленного ими движения были неосуществимы, поэтому и движение оказалось бесполезным, вхолостую израсходовавшим самые благородные и героические порывы чешского народа. Если представить, как выглядела бы Чехия в случае победы сектантов и подчинившихся им таборитов, то это была бы охваченная анархией, нищая страна, где разграблено всё, что только можно, а нового производства уже нет. В силу исторической закономерности антисистема не развивается, и окончательная победа Яна Желивского, Мартина Гуски и Прокопа Голого стала бы не зарёй новой жизни, а погребальным костром старой. «Прекрасные» походы стали бы национальной традицией и, если не через десять, то через двадцать лет объединенные силы стран, страдавших от «прекрасных» походов, всё равно оккупировали бы территорию несчастного королевства.

Иной оказалась историческая судьба Польши. Формально с самых первых дней своего существования польская держава устремилась в романо-германскую Европу. Так, князь племени полян, повелитель города Гнезно, основатель династии Пястов Мешко I принял христианство католического толка и даже женился на чешской княжне Дубравке по христианскому обряду. Католицизм пустил в Польше прочные корни. Современный польский историк М. Тымовский так характеризует «завязку» польской истории: «Очень скоро, спустя два года после крещения Мешко, в Польше с целью проведения миссионерской работы было основано епископство, подчиненное непосредственно Риму, во главе которого был поставлен епископ Иордан. Успехи польского князя в христианизации страны позволили ему установить более выгодные отношения с могущественным немецким соседом. Мешко I был признан «другом императора», хотя и уплачивал тому дань как своему верховному повелителю» [6; с. 41]. Наследник крестителя, Болеслав I Храбрый даже воевал, стремясь занять среди европейских государей достойное место. Болеслав короновался не как князь, а как король, то есть, по западному образцу, и даже претендовал на власть над Чехией. Правда, его сын Мешко II Ленивый, потерпев поражение от германцев, был вынужден отказаться от королевской короны, но это никак не повлияло на признание европейскими державами польского государства своим равноправным соседом. Например, польский князь Болеслав III Кривоустый, признавал себя вассалом германского императора, но его государство не входило в состав Священной Римской империи. Князь признавал и духовный суверенитет папы римского, но на деле польская церковь была во многом автономна. В городе Гнезно было учреждено архиепископство, которое стало высшей духовной властью в Польше на деле, хотя поляки исправно платили «денарий Святого Петра» и на словах признавали непогрешимость папы. Польский князь и архиепископ не смогли

бы заявить о своей полной религиозной и политической независимости по отношению к Риму и империи, однако их военный, политический и духовный потенциал позволяли поддерживать нейтральные отношения с западными соседями, не принимая чужую культуру и не позволяя диктовать себе условия. Таким образом, по своей форме польское государство мало отличалось от западных феодальных монархий.

Однако это сходство было именно формальным. Мешко I и Болеслав I могли заимствовать романо-германские политические институты и термины, но подвластное им общество было иным, нежели германское. Вот самые яркие отличия. Во-первых, принцип первородства при наследовании титула (*primogenitura*) польскими земельными аристократами (можновладцами) не применялся, поэтому знатность человека определялась династически. Во-вторых, польское рыцарство не знало феодальной лестницы. Любой рыцарь, каким бы ни был его земельный удел, был в правовом отношении равен любым другим дворянам, единственным сеньором их всех был лишь великий князь. С одной стороны, это ограничило феодальные усобицы, поскольку князья могли принадлежать лишь к династии Пястов, но, с другой стороны, единственным арбитром в споре равных мог быть только поединок, если только князь не вмешивался лично. В-третьих, и это самая важная особенность, польское общество не делилось на три сословия, как в Западной Европе. «В отличие от многих европейских государств, где, помимо духовенства и рыцарства, существовало единое третье сословие, ситуация в Польше была несколько сложнее, поскольку польские крестьяне представляли собой сословие, отдельное от мещанского» [6; с. 74]. В силу такого разнородного социального состава в Польше рано возник институт сословного представительства, переживший даже эпоху феодальной раздробленности. В XIV в. Польша, следуя по пути Англии и Франции, смогла стать централизованным королевством, но это была монархия не служилых дворян (как Франция в правление Бурбонов) и не «новых дворян»-буржуа (как Англия в годы династии Тюдоров), а по-прежнему рыцарское государство западноевропейского образца XIII в. Польский шляхтич по своему социальному положению был почти идентичен русскому боярину или французскому графу. Признавая сеньориальную власть монарха, польские можновладцы, тем не менее, владели своими землями как родовой, неотчуждаемой собственностью. Это отличало их от помещиков-дворян Франции и России, которые были зависимы от монарха и получали землю только за службу и ради службы. Горожане и духовенство участвовали в королевских выборах, но главный голос здесь принадлежал панам, положение которых, в общем-то, мало зависело от королевских постановлений. Без преувеличения можно сказать, что польский король был лицом польского рыцарства, первым среди равных. При этом в силу равенства всех польских дворян в правовом отношении династический принцип был вскоре забыт. Корона передавалась тому или иному дворянину в силу решения сейма, а вовсе не по наследству. От монарха требовалось только быть польским дворянином и пользоваться авторитетом в рыцарских

кругах. Именно этого не хватало Чехии: здесь монарх был в первую очередь императором Священной Римской империи, а во вторую – чешским королем, фактически дополнительным губернатором своей же имперской провинции; точно так же и обычный чех – в первую очередь подданным германского императора, и лишь на досуге – чехом. Польский рыцарь служил своему королю, подражая своим немецким и французским «коллегам по сословию» и получал монаршую милость. Чешский пан был вынужден служить в качестве наемника всем, кто был ему рад.

Проникновение в Польшу иностранцев имело даже более широкие масштабы, чем в Чехию. В XIII-XIV в.в. дошло до того, что многие польские землевладельцы приглашали на свои территории немецких ремесленников и крестьян. М. Тымовский описывает этот процесс следующим образом: «Переселенцы, оседавшие в городах и селах, в большинстве своем были немцами. В результате их массовой миграции Силезия превратилась в область, где сосуществовали две этнические группы. В других уделах численность немецких колонистов была на порядок меньше. Они сосредотачивались главным образом в городах, особенно в крупных, где составляли богатый и влиятельный, однако немногочисленный слой городского патрициата, тогда как польское население представляло менее зажиточное или же просто бедное большинство» [6; с. 69]. В деревнях и городских районах, где преобладали немецкие переселенцы, действовало германское право, а в городе Хелмно в 1233 г. был даже принят Магдебургский городской устав. И что же? Конечно, наплыв иностранцев породил некоторые противоречия и взаимную их нелюбовь с поляками, однако никаких погромов не происходило. Польские дворяне, управлявшие страной, четко представляли, интересы какого народа они защищают. Немецкие переселенцы были для них хорошими работниками и аккуратными налогоплательщиками, но ни на миг не приравнивались к польским подданным. А вот германских дворян польские короли на службу не приглашали, поэтому немецким поселенцам приходилось выбирать: либо уважать порядки и власть страны пребывания, либо возвращаться в Бранденбург или иное германское княжество.

Обратная ситуация сложилась в отношениях Польши с восточным соседом, Великим Княжеством Литовским. Личная уния, заключенная браком литовского князя Владислава Ягеллона с польской королевой Ядвига, сделала Литву католической страной, но не превратила её в польскую провинцию. Возникло единственное в своём роде двойственное государственное образование, в котором наследственный литовский князь занимал выборным путем польский престол. Те литовские дворяне, которые хотели следовать за ним в Варшаву, должны были вести себя по-польски. Те же литовские (скорее, белорусские и украинские) князья, которым было по вкусу православие (Вишневецкие, Острожские), оставались дома, окруженные таким же православным простонародьем. Таким образом, если из немецких земель в Польшу приезжали только труженики, без дворян, то из Литвы, наоборот, приходили только рыцари, готовые принять польский

культурный образец, а самобытные крестьяне и ремесленники оставались дома. За всем этим государством трех наций тщательно присматривали польские короли литовского происхождения, ориентирующиеся в первую очередь на интересы избравшей их польской шляхты.

Единственный раз в польской истории антисистема получила реальный шанс возникнуть в этих краях в XIII в., когда князь Конрад Мазовецкий пригласил в 1230 г. на польские земли рыцарей Тевтонского Ордена. В те дни помощь крестоносцев была необходима, так как язычники-литовцы нередко нападали на католиков-поляков. Но к концу XIV в. никаких язычников в Польше и Прибалтике уже не осталось, а Орден активно вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику Польско-Литовского королевства, позиционируя себя в качестве защитника интересов немецкого населения этих земель. Когда наступил момент силового противостояния, 15 июля 1410 г. при Грюнвальде рыцари были разбиты и в следующие пятьдесят лет вытеснены почти со всех польских территорий. Если бы сражавшаяся против них польско-литовская армия князя Витовта проиграла бой, то Польша оказалась бы под властью немецких дворян, пусть и в монашеском сане. Тогда там в скором времени повторился бы чешский антисистемный сценарий. Но, к счастью, в столкновении поляков с западным миром в лице «братьев» Ордена, военные действия играли не определяющую роль. Дело в том, что прусское население, подвластное тевтонцам, добровольно просилось в польское подданство, потому что платить налоги короне и участвовать в управлении через институты сословного представительства более заманчиво, чем бессловесно содержать рыцарей-монахов, ведущих борьбу с какими-то мифическими язычниками. После Грюнвальдского сражения «братья» несколько раз реваншировали на поле боя, но неизменно проигрывали все свои компании из-за того, что Орден уже как полвека пережил свою историческую полезность и был теперь никому не нужен.

Увы, такая блистательная «завязка» и «кульминация» истории продемонстрировали, что, выстояв во внешних бурях, Польша потеряла свой, оригинальный исторический путь. Выше мы указывали, что поляки приняли европейскую форму политического устройства и католицизм, однако их реальная жизнь совсем не была европейской. Самые творческие люди этого изобретательного и мужественного народа оказались втиснуты в рамки рыцарства и клира, сословий, созданных не здесь и для решения совсем иных задач, нежели стояли перед польскими королями. Поляки влились в эти формы жизни и научились поддерживать их в исправном состоянии даже тогда, когда во всей Европе рыцарство превратилось уже в почетный титул, а духовенство мало отличалось от чиновничества. В эпоху королевского абсолютизма Польшей по-прежнему правил избираемый сеймом король, не имеющий династии! В те годы, когда Людовик XIV и Петр I двигали в походы армии одним своим кивком, в Польше продолжал процветать средневековый парламентаризм. Сохраняя свою культурную самобытность, поляки «играли» в романо-германцев. Это и есть псевдоморфоз – господство чуждой формы над молодой культурой. Псевдоморфоз не убил Польшу, но

лишил её способности развиваться, что сделало королевство легкой жертвой России, Австрии и Пруссии. Кстати, те идеалы, которыми вдохновлялись польские сепаратисты XIX в., зародились тоже не на берегах Вислы, а в Западной Европе, хотя, к счастью, воплощение чуждых идеалов так и не наступило.

Итак, перед нами два примера искажений культурного развития. В первом, чешском случае, втянутая в орбиту чужой культуры и поставленная в зависимое положение страна необдуманно уничтожила старое положение дел, создав культурный вакуум, в котором тут же перемешались самые различные, в том числе и противоречивые, идеалы, и набрала силу антисистема. Столетиями находившиеся на периферии Европы и выполнявшие роль финансового придатка чехи, пожелав завоевать независимость, обнаружили, что им не с чем выступить, кроме неприменимой в их ситуации английской идеи. Результат печален: настоящий праздник разрушения. Во втором случае молодая культура ориентировалась на соседей, во всем иных, нежели она. Поляки, не находясь в зависимости от европейцев и осознавая свои национальные интересы, тем не менее, пытались сгладить свое культурное своеобразие, стать похожими на германских соседей. Как только это у них получилось хотя бы в половину от желаемого, политическое и культурное развитие уступило место длительному застою. Отсекая свои корни в пользу чужой листвы, поляки сами лишили себя точек приложения для творческого потенциала. Все их силы ушли на поддержку чужих проектов, а вовсе не на реализацию собственных идеалов и мечтаний.

Поскольку основная цель истории состоит не в простом изложении свершившихся фактов, а в осмыслении с их помощью настоящего, то было бы любопытно поинтересоваться, к какому сценарию ближе современные украинские события: к польскому или к чешскому? Думается, что ко второму, потому что украинские революционеры акцентируют внимание не на созидании нового режима по западным образцам, а на разрушении русского наследия. Например, бессмысленный снос памятников Ленину в западной Украине эквивалентен осквернению гуситами церкви в Седлице и Раби. Можно даже предположить, что лидеры украинских революционеров имеют среди гуситских руководителей исторических двойников. А, значит, их движение ждёт точно такой же финал. Увы, история повторяется, потому что мы не способны усвоить её уроки.

Литература.

1. Вебер, Г. *Всеобщая история в 14 т. Т 8: История средних веков, Ч 4.* – М. : изд-во К.Т. Солдатенкова, 1894.
2. Гумилев, Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли.* – М. : АСТ, 2004.
3. Махнач, В. Л. *Политика. Основные понятия / В. Л. Махнач, С.О.Елисеев.* – М. : Синергия, 2005.
4. Мацек, Й. *Гуситское революционное движение.* – М. : изд-во иностранной литературы, 1954.

5. *Мацек, Й. Табор в гуситском революционном движении.* – М. : изд-во иностранной литературы, 1956.

6. *Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер.* – М. : Весь мир, 2004.

7. *Шафаревич, И. Р. Социализм как явление мировой истории.* – Париж : YMCA-PRESS, 1977.

8. *Шпенглер, О. Закат Европы в 2 т. Т 2.* – Минск : Поппури, 2009.

References:

1. *Veber, G. Vseobshaya istoriya v 14 t. T. 8: Istoriya srednih vekov, Ch. 4.* – М. : izd-vo Soldatenkova, 1894.

2. *Gumilev, L. N. Etnogenez I biosfera Zemli.* – М. : AST, 2004.

3. *Mahnach, V. L. Politika. Osnovnye ponyatiya / V. L. Mahnach, S. O. Eliseev.* – М. : Sinergiya, 2005.

4. *Matsek, I. Gusitskoe revolutsionnoe dvizhenie.* – М. : izd-vo inostrannoi literaturi, 1954.

5. *Matsek, I. Tabor v gusitskom revolutsionnom dvizhenii.* – М. : izd-vo inostrannoi literature, 1956.

6. *Tyimovsky, M. Istoriya Pol'shi / M. Tyimovsky, Ya. Kenevich, E. Holtser.* – М. : Ves' mir, 2004.

7. *Shafarevich, I. Sotsializm kak yavlenie mirivoi istorii.* – Parizh : YMCA-PRESS, 1977.

8. *Shpengler, O. Zakat Evropi v 2 t. T 2.* – Minsk : Poppuri, 2009.

..